

УДК 159.9

DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012

Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу ключевых психологических предикторов устойчивого преступного поведения женщин, что является актуальной проблемой современной криминологии. Исторически рассматриваемая как периферийная, женская преступность сегодня признается самостоятельной областью междисциплинарных исследований, требующей учета специфики социализации и жизненного опыта. Автор систематизирует внутренние факторы, опосредующие связь между структурным неравенством и криминальными траекториями. В центре внимания находятся последствия хронической виктимизации и травмы, коморбидные расстройства личности, дезадаптивные когнитивные схемы, зависимости от психоактивных веществ и дефициты социально-психологических компетенций. Подчеркивается, что эти предикторы формируют самоподдерживающуюся систему, которая усугубляется традиционной пенитенциарной системой. Делается вывод о необходимости смены карательной парадигмы на реабилитационную, основанную на доказательных, гендерно-специфичных и травма-информированных психологических практиках, обеспечивающих непрерывную поддержку для разрыва цикла рецидивизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 157-165. DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012

Ключевые слова

Женская преступность, психологические предикторы, рецидивизм, травма-информированный подход, реабилитация.

Введение

Исторически криминологическая мысль была сконцентрирована преимущественно на мужском опыте правонарушений, что отодвигало женскую преступность на периферию научного интереса, трактуя её либо как исключительное явление, либо как следствие пассивного следования мужскому влиянию, либо как проявление индивидуальной психопатологии [Gunnison, McCartan, 2005]. Однако эволюция научного знания, существенно ускоренная под влиянием накопления лонгитюдных эмпирических данных, позволила признать женскую преступность самостоятельной и комплексной областью междисциплинарного исследования. В рамках этой области критически важным становится изучение устойчивых криминальных траекторий, характеризующихся длительным, часто пожизненным вовлечением в девиантную активность. Анализ факторов, способствующих формированию и поддержанию подобной персистентности, требует специальных теоретических рамок, учитывающих специфику женской социализации, жизненного опыта и паттернов взаимодействия с социальными институтами. Особую значимость в этом контексте приобретает систематический анализ психологических предикторов рецидивизма, которые, находясь в диалектическом взаимодействии со структурными условиями, формируют устойчивые модели противоправного поведения. Подчёркивая важность социально-экономических детерминант, современная криминология отказывается от редуccionистского взгляда, признавая, что без понимания внутренних психологических механизмов – когнитивных, эмоциональных, личностных – невозможно объяснить, почему в схожих условиях маргинализации одни женщины выбирают просоциальные, а другие криминальные стратегии выживания [Gunnison, 2024].

Основная часть

Теоретико-методологическое переосмысление данного феномена неизбежно сталкивается с необходимостью критической ревизии классических криминологических концепций, разработанных, по сути, для объяснения мужского поведения. Попытки механического переноса теорий, фокусирующихся на аномии, ослаблении социальных связей или стигматизации, без учёта гендерного контекста оказываются ограниченными, так как игнорируют специфику женских жизненных путей [El Sayed et al., 2017]. Современный анализ, укоренённый в традициях интерсекциональной критики, смещает акцент с индивидуально-психологических дефицитов в сторону структурных условий и пересекающихся систем угнетения, но при этом не отрицает важности внутренних, психологических механизмов, опосредующих реакцию на внешние обстоятельства. Ключевым становится холизм понимания, где жизненный путь женщины, склонной к устойчивому преступному поведению, рассматривается как формирующийся под влиянием уникального и взаимосвязанного комплекса обстоятельств. В этом комплексе психологические факторы выступают в двойственной роли: как следствие травмирующего социального опыта и как самостоятельные детерминанты, усиливающие и закрепляющие дальнейшее криминальное поведение [Daner et al., 1995]. Теория жизненного пути и концепция кумулятивного неблагополучия предлагают наиболее плодотворную интегративную рамку, демонстрируя, как ранние психологические травмы, нанесённые, например, в семейной системе, запускают каскад взаимосвязанных проблем – школьной неуспешности, социальной изоляции, депрессии, – которые

последовательно сужают спектр жизненных альтернатив, постепенно закрепляя девиантные паттерны как единственно доступные.

Наиболее значимым и фундаментальным психологическим предиктором выступает комплекс последствий ранней, хронической и поливиктимной виктимизации и пренебрежение базовыми нуждами. Международные исследования, от классических работ Кэти Уидом до современных мета-анализов, последовательно демонстрируют тесную корреляцию между опытом жестокого обращения в детстве и последующей криминализацией женщин. Этот опыт приводит не просто к единичным психологическим проблемам, а к комплексным изменениям личности и функционирования. Частым следствием является развитие посттравматического стрессового расстройства, которое у женщин, часто принимает форму комплексного ПТСР, включающего стойкие нарушения саморегуляции, негативную самооценку и трудности в выстраивании отношений [Salvatore, Markowitz, 2014]. Параллельно развиваются тяжёлые депрессивные и тревожные расстройства. Некомпенсированная психологическая травма проявляется в глубоких нарушениях аффективной регуляции, что выражается в склонности к эмоциональной дисрегуляции: взрывным, неконтролируемым вспышкам гнева или, наоборот, состояниям эмоционального онемения и диссоциации. Формируются дисфункциональные, но субъективно эффективные в краткосрочной перспективе копинг-стратегии, такие как избегание, самоповреждение, компульсивное поведение [Goldweber et al., 2009]. Нарушается сама способность формировать безопасные привязанности, что порождает хаотичный паттерн отношений, характеризующийся чередованием страха отвержения и интенсивной зависимости. Эти нарушения напрямую коррелируют с криминальным поведением, которое в данном контексте может выполнять различные психологические функции: быть формой отреагирования непереносимой травматической памяти или аффекта, способом самолечения эмоциональной боли через поиск острых ощущений или химической зависимости, либо прямым результатом импульсивности, обусловленной дисрегуляцией лимбической системы. Такое поведение является не рациональным выбором, а симптомом глубинной психологической дисфункции, сформированной насилием [Danner et al., 1995].

Клиническая картина часто усугубляется наличием расстройств личности, которые выступают как самостоятельный и мощный предиктор рецидивизма. У значительной части женщин с персистентным криминальным поведением диагностируются пограничное, антисоциальное, истерическое или зависимое расстройства личности, причём часто наблюдается коморбидность нескольких расстройств [Cauffman et al., 2015]. Для пограничного расстройства личности, непропорционально часто встречающегося в женских тюремных популяциях, характерны хроническая нестабильность самооценки, хаотичность межличностных отношений, интенсивный страх реального или мнимого отвержения, импульсивность и хроническое чувство внутренней опустошённости. Эти черты непосредственно ведут к деструктивным и манипулятивным формам поведения, включая криминальные, как к способу заполнения внутренней пустоты, получения подтверждения собственного существования или удержания значимого другого. Постепенно происходит формирование криминальной или маргинальной идентичности, когда противоправная деятельность и статус «нарушительницы» становятся центральным, организующим элементом самоощущения, источником чувства принадлежности к определённой группе и способом достижения признания внутри альтернативной иерархии. Параллельно наблюдается дефицит просоциальной идентичности и слабая сформированность внутренних моральных инстанций (Сверх-Я), что может быть следствием нарушенной первичной социализации в

дисфункциональной или криминальной семье. Это снижает внутренний психологический барьер для совершения правонарушений, делая моральные соображения менее значимыми по сравнению с непосредственными потребностями или групповой лояльностью [Gunnison, McCartan, 2010].

Важнейшим когнитивным компонентом, поддерживающим рецидивизм, являются устойчивые дезадаптивные когнитивные схемы, сформированные в условиях хронического жестокого обращения, депривации и институционального пренебрежения. Эти глубинные убеждения о себе, других и мире действуют как фильтры восприятия, искажающие обработку социальной информации. К ним относится, прежде всего, установка на враждебность – устойчивое ожидание угрозы, обмана или агрессии от окружающих, что провоцирует превентивную агрессию как защитную реакцию. Катастрофизация ведёт к восприятию любых трудностей как непреодолимых, парализуя способность к просоциальному поиску решений. Дихотомическое («чёрно-белое») мышление делит мир на «хороших» и «плохих», не оставляя места для нюансов, что способствует быстрому переходу к конфронтации. Внешний локус контроля, то есть ощущение, что жизнь управляется внешними силами (судьбой, системой, другими людьми), а не собственными усилиями, подрывает веру в возможность легитимных изменений, порождая пассивность или, наоборот, бунт против воспринимаемого враждебного мира. Эти когнитивные искажения систематически блокируют возможности для просоциального разрешения конфликтов и конструктивного планирования будущего, закрепляя узкий спектр поведенческих реакций, в котором криминальные действия представляются если не оптимальными, то по крайней мере понятными и предсказуемыми [Sivertsson, 2016].

Особую роль в качестве психологического предиктора, а также мощного катализатора и медиатора всех остальных, играет проблема коморбидности с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Злоупотребление ПАВ редко является первичным фактором; чаще оно выполняет функцию неадаптивного самолечения при непереносимых симптомах ПТСР, депрессии, хронической психогенной боли или для смягчения последствий жестокого обращения. Однако зависимость радикально трансформирует психологический и поведенческий ландшафт [Salvatore, Markowitz, 2014]. Она сужает когнитивные возможности, ослабляя контроль над импульсами, снижая способность к оценке рисков и прогнозированию последствий. Повышается агрессивность и эмоциональная лабильность. Фармакологическая зависимость напрямую вовлекает женщину в криминальную среду, будь то как источник средств для приобретения веществ, как контекст их употребления. Синдром отмены и физиологическая потребность становятся непосредственными и мощнейшими драйверами имущественных преступлений, вытесняя любые другие моральные или рациональные соображения. Таким образом, зависимость создаёт самоподдерживающийся цикл: психологическая боль ведёт к употреблению, употребление – к криминальным действиям для его поддержания, а последствия этих действий – к углублению социальной изоляции и усилению боли, что требует дальнейшего употребления.

Наконец, значимым предиктором выступают дефициты базовых социально-психологических компетенций, которые часто являются следствием депривации и нарушенной социализации. Речь идёт о низком уровне развития навыков решения проблем, когда человек не умеет разбивать сложную задачу на этапы, генерировать альтернативные решения и оценивать их последствия [Carlsson, 2013]. Неразвитый эмоциональный интеллект мешает распознавать и адекватно выражать собственные эмоции, а также корректно интерпретировать эмоции других, что ведёт к постоянным межличностным конфликтам. Дефицит коммуникативных навыков и конфликтной компетентности приводит к тому, что любой спор быстро перерастает в

агрессивную конфронтацию. Неспособность легитимными способами удовлетворять фундаментальные психологические потребности в безопасности, принадлежности, уважении и самореализации толкает к использованию криминальных «коротких путей», которые кажутся более прямыми и эффективными, особенно в отсутствие позитивных моделей поведения. Особое значение имеет дефицит навыков совладания со стрессом без применения насилия, побега в зависимости или других деструктивных действий. В условиях хронического стресса, характерного для жизни в маргинальности, отсутствие здоровых копинг-стратегий становится критическим фактором, толкающим к рецидиву.

Важно понимать, что эти психологические предикторы не существуют в социальном вакууме; их формирование, актуализация и поддерживание происходят в теснейшем переплетении с социально-структурными факторами, создавая порочный круг. Принцип интерсекциональности наглядно демонстрирует, что груз психологических проблем непропорционально тяжёл для женщин, принадлежащих к маргинализированным группам – расовым и этническим меньшинствам (что ярко видно на примере диспропорциональной представленности афроамериканок и женщин из числа коренных народов в тюрьмах США, Канады, Австралии), мигранткам, лицам с инвалидностью, которые сталкиваются с кумулятивной дискриминацией. Структурное неравенство систематически ограничивает их доступ к качественной, своевременной и культурно-сенситивной психиатрической и психологической помощи, что приводит к хронизации расстройств. Дезадаптивные когнитивные схемы недоверия и враждебности получают постоянное подтверждение, криминальная идентичность закрепляется через ритуалы стигматизации, а чувство безысходности углубляется [Gunnison, McCartan, 2010].

Более того, сама пенитенциарная система, в её традиционном карательном воплощении, концептуально и организационно сконструированная вокруг мужской нормы, оказывает на женщин специфическое, глубоко патогенное воздействие. Она не только не решает, но и усугубляет корневые психологические причины поведения. Деперсонализированный режим, угроза насилия, изоляция от детей и близких, отсутствие адекватной психиатрической помощи приводят к ретравматизации. Симптомы ПТСР, депрессии и зависимости усиливаются, а не лечатся. Тюрьма становится школой криминальной социализации, где дезадаптивные схемы и навыки развиваются, а сети антисоциальных связей укрепляются. Таким образом, институт, формально призванный обеспечивать исправление, на деле становится фактором, продуцирующим и закрепляющим психологические предпосылки для будущего рецидива.

Выявленная сложная система психологических предикторов с неумолимостью указывает на системную несостоятельность традиционных подходов в уголовно-исполнительной системе, которые игнорируют глубинные причины поведения. Международный опыт передовых юрисдикций, таких как Канада, Великобритания или некоторые штаты США, демонстрирует необходимость фундаментальной трансформации практик в сторону реабилитационной парадигмы. Первым шагом должно стать внедрение всеобщего обязательного скрининга и комплексной диагностики при поступлении в учреждение, направленных на выявление не только ПТСР и депрессии, но и суицидального риска, расстройств личности, интеллектуальных нарушений и химических зависимостей [Gunnison, McCartan, 2005]. На основе этой диагностики необходима разработка и реализация индивидуальных, гендерно-специфичных и травма-информированных реабилитационных программ. Такие программы должны опираться не на морализаторство, а на доказательные методы психотерапии: диалектико-поведенческую терапию для коррекции пограничного расстройства, терапию длительного воздействия или EMDR для работы с травмой, когнитивно-поведенческую терапию, направленную на

коррекцию криминогенных когнитивных искажений, а также мотивационное интервьюирование и программы лечения зависимостей. Ключевыми компонентами должны стать модули по развитию навыков эмоциональной регуляции, родительских компетенций (с учётом травмы сепарации), социальных навыков и базовой финансовой грамотности.

Однако даже самая эффективная внутриучрежденческая работа будет сведена неэффективной без обеспечения преемственности помощи после освобождения. Критически важным является организация непрерывного психологического и психиатрического сопровождения, помощь в решении практических барьеров – трудоустройстве, получении безопасного жилья, восстановлении социальных связей. Это необходимо для предотвращения рецидива, спровоцированного острым стрессом реинтеграции и возвратом в среду, где действуют старые деструктивные паттерны. Необходимо создание поддерживающей просоциальной сети – через программы наставничества, группы взаимопомощи, вовлечение в общественные организации, – которая могла бы стать альтернативой криминальным связям, предоставляя как практическую поддержку, так и новую, позитивную идентичность [El Sayed et al., 2017].

Заключение

Проблема устойчивого преступного поведения женщин представляет собой сложный узел, где психологические аспекты выступают в роли центрального опосредующего звена между структурным неравенством и индивидуальным действием. Систематизация психологических предикторов – травматических последствий, расстройств личности, когнитивных искажений, зависимостей и дефицитов компетенций – позволяет перейти от стигматизирующих и морализаторских объяснений к научно обоснованному, комплексному пониманию внутренней логики персистентности. Эти факторы формируют тот внутренний мир, через призму которого преломляется внешнее давление бедности, дискриминации и насилия, замыкая порочный круг. Следовательно, эффективная и этичная криминологическая политика в отношении женщин должна обязательно включать, помимо мер макроуровня по смягчению социального неравенства, мощный, научно обоснованный психолого-реабилитационный компонент. Приоритет должен быть отдан не карательной изоляции, а травма-информированной реабилитации и восстановительным подходам, направленным на проработку глубинных ран, формирование устойчивой просоциальной идентичности и развитие навыков, необходимых для жизни вне криминала. Только такая интеграция усилий на индивидуально-психологическом, социальном и правовом уровнях способна разорвать порочный круг кумулятивного неблагополучия, создав условия для подлинной реинтеграции и превратив наказание из тупиковой ветви жизненного пути в точку для осмысленного и поддерживаемого обществом нового начала.

Библиография

1. Елагина А.С., Новиков А.В. Стратегии профилактики суицидального поведения в пенитенциарной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2025.95.93.011
2. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
3. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 107-115. DOI: 10.34670/AR.2025.21.62.014

4. Елагина А.С., Смирнова О.О. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 239-245.
5. Елагина А.С., Смирнова О.О. The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 258-264.
6. Смирнов О.А., Елагина А.С. Психологический феномен доверия в современных исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А. С. 163-169. DOI: 10.34670/AR.2021.60.73.018
7. Смирнова О.О., Елагина А.С. Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 251-257.
8. Смирнов, О. А. Подходы к измерению адаптации после освобождения из тюрьмы / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 1-1. – С. 62-69.
9. Смирнов, О. А. Применение методики конструирования просоциальной идентичности в пенитенциарной системы Сингапура: возможности и ограничения / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 7-1. – С. 84-90.
10. Смирнов, О. А. Развитие теоретических представлений о влиянии на личность условий пенитенциарного учреждения: мета-анализ современных исследований / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 8-1. – С. 123-130.
11. Gunnison E., McCartan L. M. The role of different developmental experiences: A theoretical examination of female persistence // Women & Criminal Justice. – 2005. – Т. 16. – №. 3. – С. 43-65.
12. Gunnison E., McCartan L. M. Persistent versus late onset among female offenders: A test of state dependent and population heterogeneity interpretations // Criminology, Criminal Justice, Law & Society. – 2010. – Т. 11. – №. 3. – С. 45.
13. Cauffman E., Monahan K. C., Thomas A. G. Pathways to persistence: Female offending from 14 to 25 // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. – 2015. – Т. 1. – №. 3. – С. 236-268.
14. El Sayed S. A., Piquero A. R., Teneyck M. Differentiating between Moffitt's developmental taxonomy and silverthorn and frick's delayed-onset models of female offending // Criminal Justice and Behavior. – 2017. – Т. 44. – №. 4. – С. 631-650.
15. Gunnison E. Desistance from criminal offending: Exploring gender similarities and differences // Russ. J. Econ. & L. – 2024. – С. 971.
16. Goldweber A., Broidy L. M., Cauffman E. Interdisciplinary perspectives on persistent female offending: a review of theory and research // The development of persistent criminality. – 2009. – Т. 205. – С. 230.
17. Sivertsson F. Catching up in crime? Long-term processes of recidivism across gender // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. – 2016. – Т. 2. – №. 3. – С. 371-395.
18. Danner T. A. et al. The female chronic offender: Exploring life contingency and offense history dimensions for incarcerated female offenders // Women & Criminal Justice. – 1995. – Т. 6. – №. 2. – С. 45-66.
19. Salvatore C., Markowitz M. W. Do life course transitions and social bonds influence male and female offending differently? Gender contrasts and criminality // Deviant Behavior. – 2014. – Т. 35. – №. 8. – С. 628-653.
20. Carlsson C. Masculinities, persistence, and desistance // Criminology. – 2013. – Т. 51. – №. 3. – С. 661-693.

Systematization of Psychological Predictors of Recidivism in Female Offenders

Anna S. Elagina

PhD in Economics,
Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to analyzing key psychological predictors of persistent criminal behavior in women, which is a relevant problem in modern criminology. Historically considered peripheral, female criminality is now recognized as an independent area of interdisciplinary research requiring consideration of the specifics of socialization and life experience. The author systematizes internal factors that mediate the connection between structural inequality and criminal trajectories. The focus is on the consequences of chronic victimization and trauma, comorbid personality disorders, maladaptive cognitive schemas, substance dependencies, and deficits in socio-psychological competencies. It is emphasized that these predictors form a self-sustaining system that is exacerbated by the traditional penitentiary system. The conclusion is drawn about the necessity of shifting from a punitive to a rehabilitative paradigm, based on evidence-based, gender-specific, and trauma-informed psychological practices that provide continuous support for breaking the cycle of recidivism.

For citation

Elagina A.S., Slabkaya D.N. (2025) Sistematzatsiya psikhologicheskikh prediktorov retsidiva prestupnosti u zhenshchin [Systematization of Psychological Predictors of Recidivism in Female Offenders]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 157-165. DOI: 10.34670/AR.2026.66.63.012

Keywords

Female criminality, psychological predictors, recidivism, trauma-informed approach, rehabilitation.

References

1. Carlsson, C. (2013). Masculinities, persistence, and desistance. *Criminology*, 51(3), 661–693.
2. Cauffman, E., Monahan, K.C., & Thomas, A.G. (2015). Pathways to persistence: Female offending from 14 to 25. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 1(3), 236–268.
3. Danner, T.A., et al. (1995). The female chronic offender: Exploring life contingency and offense history dimensions for incarcerated female offenders. *Women & Criminal Justice*, 6(2), 45–66.
4. El Sayed, S.A., Piquero, A.R., & Teneyck, M. (2017). Differentiating between Moffitt's developmental taxonomy and silverthorn and frick's delayed-onset models of female offending. *Criminal Justice and Behavior*, 44(4), 631–650.
5. Elagina, A.S., & Novikov, A.V. (2025) Strategii profilaktiki suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme [Strategies for the prevention of suicidal behavior in the penitentiary system]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 92–98. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.95.93.011>
6. Elagina, A.S., & Ozdamirova, L.M. (2022). Kontseptual'nye podkhody k formirovaniu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 11(3A), 274–279. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.85.75.035>

7. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025) Sistemnye protivorechiia okazaniia psikhologicheskoi pomoshchi v penitentsiamoi sisteme: transformatsiia podkhodov v mezhdunarodnom kontekste [Systemic contradictions in providing psychological assistance in the penitentiary system: transformation of approaches in the international context]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 107–115. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.21.62.014>
8. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 239–245.
9. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 258–264.
10. Goldweber, A., Broidy, L.M., & Cauffman, E. (2009). Interdisciplinary perspectives on persistent female offending: a review of theory and research. In J. Savage (Ed.), *The development of persistent criminality* (pp. 230–256). Oxford University Press.
11. Gunnison, E. (2024). Desistance from criminal offending: Exploring gender similarities and differences. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 971–991.
12. Gunnison, E., & McCartan, L.M. (2005). The role of different developmental experiences: A theoretical examination of female persistence. *Women & Criminal Justice*, 16(3), 43–65.
13. Gunnison, E., & McCartan, L.M. (2010). Persistent versus late onset among female offenders: A test of state dependent and population heterogeneity interpretations. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 11(3), 45–61.
14. Salvatore, C., & Markowitz, M.W. (2014). Do life course transitions and social bonds influence male and female offending differently? Gender contrasts and criminality. *Deviant Behavior*, 35(8), 628–653.
15. Sivertsson, F. (2016). Catching up in crime? Long-term processes of recidivism across gender. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 2(3), 371–395.
16. Smirnov, O.A., & Elagina, A.S. (2021). Psikhologicheskii fenomen doveriia v sovremennykh issledovaniakh [The psychological phenomenon of trust in modern research]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 10(6A), 163–169. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.60.73.018>
17. Smirnov, O.A., Novikov, A.V., & Slabkaia, D.N. (2025) Podkhody k izmereniiu adaptatsii posle osvobozhdeniia iz tiur'my [Approaches to measuring adaptation after release from prison]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(1-1), 62–69.
18. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Primenenie metodiki konstruirovaniia prosotsial'noi identichnosti v penitentsiamoi sisteme Singapura: vozmozhnosti i ogranicheniia [Application of the method for constructing prosocial identity in the penitentiary system of Singapore: opportunities and limitations]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(7-1), 84–90.
19. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Razvitie teoreticheskikh predstavlenii o vliianii na lichnost' uslovii penitentsiamogo uchrezhdeniia: meta-analiz sovremennykh issledovaniia [Development of theoretical concepts about the influence of penitentiary institution conditions on personality: meta-analysis of modern research]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(8-1), 123–130.
20. Smirnova, O.O., & Elagina, A.S. (2018). Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 251–257.